

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР РАСКРЫВАЕТ ТАЙНУ О СОВЕТСКОМ СУПЕРШПИОНЕ

Это было в среду, 21 ноября 1979 г. Члены парламента ожидали чрезвычайного сообщения премьер-министра. Говорили о каком-то сверхшпионе, проникшем в самые высшие эшелоны власти. Председательствовал, как обычно на важных обсуждениях, сам спикер палаты общин.

В переводе с английского «спикер» означает «говорящий», то есть оратор. Но фактически смысл этого слова применительно к парламенту имеет прямо противоположное значение¹. Спикер не может произносить речей, участвовать в дебатах. Ему не разрешается голосовать (за исключением тех случаев, когда голоса парламентариев делятся поровну). Но его роль очень важна – он руководит дискуссией. Он не допускает крайностей при обсуждении, а иногда и направляет прения.

В среду произошел как раз такой случай, когда роль спикера была особенно велика. Слишком деликатным был вопрос, вынесенный на обсуждение, слишком опасным для правительства и даже для Короны могло оказаться его рассмотрение.

Необычное предупреждение спикера парламенту

В то время, о котором я пишу, спикером палаты общин был Джордж Томас, которого мне довелось хорошо знать. Его ува-

¹ «Каково же тогда происхождение названия?» – спросит любопытный читатель. Как это ни парадоксально, от слова «говорить». Раньше спикером выбирали очень почтенного человека, но не столько для руководства парламентом, сколько для доклада результатов обсуждения самому монарху. И когда новости и доклады не нравились монархам, спикеры могли лишиться головы. В Средние века пять спикеров поплатились своей жизнью за неудачные доклады. Поэтому никто из членов палаты не желал быть спикером и на этот пост часто назначали в принудительном порядке и силой затаскивали на спикерское кресло. Водворенный в кресло считался приступившим к своим обязанностям. Времена менялись... И ныне члены парламента с удовольствием занимают этот пост, к тому же хорошо оплачиваемый.

жали члены парламента, и, хотя он был лейбористом, консерваторы, когда они одержали победу на выборах и могли избрать лидера из своей партии, предпочли оставить Томаса на его посту. Он снискал уважение парламентариев за объективность и высокие награды за участие во Второй мировой войне, которую прошел с первого до последнего дня.

Правда, положение Томаса осложнялось тем обстоятельством, что, как говорил мне спикер, он с симпатией относился к Советскому Союзу и высоко ценил вклад советского государства в победу над фашизмом. Предстояло обсуждение вопроса о действиях человека, который тоже в годы войны служил в британской армии и боролся с фашизмом и сейчас занимал высокий пост советника королевы, но оказался «предателем» – так его называли все члены парламента; он был иностранным шпионом и выдавал британские секреты Советскому Союзу.

Спикер внешне оставался совершенно бесстрастным. Он оценил опасность ситуации, понял, что надо попытаться избежать излишней эмоциональности парламентариев в ходе обсуждения и, главное, удержать их от выпадов, касавшихся отношения королевы к этому необычному делу.

Открывая заседание, он предварил его, в отличие от обычной практики не вмешиваясь в дискуссию, кратким напутствием парламентариям: «В письменном ответе на вопрос члена парламента, – говорил он, – была ссылка на то, что информация (о деле, которое мы будем рассматривать. – В.П.) была передана Двору. Я полагаю, – сказал спикер, – что было бы полезным обратить внимание палаты на традиционное правило, гласящее, что любые ссылки на Двор должны делаться в учтивых выражениях и не должны касаться образа действий суверена. Это, конечно, не препятствует широкой дискуссии и любым советам, которые могут быть сделаны или не сделаны Ее Величеству».

Затем выступила премьер-министр страны Маргарет Тэтчер. Всего за полгода до этого, в мае 1979 года, она стала премьер-министром. Впервые за всю историю Британии, и не только Британии, но и всей Европы, женщина заняла этот высокий государственный пост. Уже тогда Тэтчер знали как «железную леди». Ее отношение к закону, порядку и его нарушителям было хорошо известно. О ее суровости, о том, что она лишена чувства жалости, говорили многие.

Когда в стране обсуждался вопрос о введении смертной казни за особо тяжкие преступления, она выступила за применение

к опасным преступникам высшей меры наказания. Позднее, в 1980–1981 годах, когда молодые католики – сторонники Ирландской республиканской армии, заключенные в тюрьмы, начали голодовку и один за другим умирали и многие англичане, среди которых был и Б. Сэндес, член парламента, в те драматические дни призывали проявить милосердие к погибающим, Тэтчер говорила, что «преступники сами выбрали свой путь», и отказалась удовлетворить их в общем-то небольшие требования. Десять юношей, продолжая голодовку, погибли один за другим.

Какой будет теперь реакция премьера на поступки человека, «предавшего свою страну» и оказавшего огромные услуги противнику Британии – Советскому Союзу?

Все знали о том, как в те годы относилась к СССР М. Тэтчер. Еще в молодости в изданной ею брошюре она писала: «Угроза миру исходит от коммунизма». Будучи лидером консервативной оппозиции в стране, она не раз обвиняла СССР в агрессии, в стремлении к мировому господству. В связи с одной из ее речей министр обороны лейбористского правительства даже обвинил ее в «желании воевать с Россией».

Как же теперь она будет квалифицировать преступление англичанина, ставшего советским разведчиком, и будет ли она требовать сурового наказания?

Тэтчер не говорит всей правды

И тон, и содержание выступления премьера оказались неожиданными для многих членов парламента, настроенных весьма воинственно. Речь премьера была спокойной, как будто речь шла не о сенсационном событии, не о крупнейшем за всю историю Англии провале английских спецслужб, а о событии, которое касалось больше истории, чем современности.

Она сообщила, что службам безопасности в дополнение к прежним разоблачениям стало известно имя одного советского шпиона, входившего в так называемую «кембриджскую группу» советских разведчиков, начавших свою деятельность еще до войны. «На этой неделе, – начала свою речь М. Тэтчер, – профессор Блант был публично назван «подозреваемым советским агентом». Раскрытие этого факта вызвало глубокое сожаление... Профессор Блант признал, что был завербован русской разведкой до войны, когда он находился в Кембридже».

Тэтчер уважительно называла Антони Бланта не иначе как профессором, что вызвало осуждение некоторых ее коллег по парламенту. Они предпочитали называть его «изменником», «преступником» или «предателем». Тэтчер сообщила, что в 1940 году Блант поступил в кадры английской Службы безопасности, то есть стал «двойным агентом». «Сегодня нам кажется экстраординарным, что человек, который не скрывал своих сокровенных убеждений (то есть своих симпатий к Советскому Союзу. – В.П.), мог быть принят на секретную службу в государственный аппарат». Этим и ограничилась премьер в своей критике действий английских служб безопасности.

Далее она признала, что в 1940–1945 годах Блант передавал сведения и документы русской разведке, но английская сторона до сих пор не знает, что это были за материалы. Можно было догадываться, что прежде всего он направлял в Москву те сведения, которыми располагал по своей службе в Лондоне. Это, по мнению Тэтчер, были важные материалы, так как она признала, что Блант нанес стране «серьезный ущерб».

Но здесь же премьер вновь постаралась приуменьшить значение передаваемых Блантом данных, так как, по ее словам, военные операции Англии в результате действий Бланта «не были поставлены на грань катастрофы», а заявления прессы о том, что Блант подвергал опасности жизнь английских секретных агентов в Голландии, «не имеют под собой оснований». Продолжая рисовать оптимистическую картину, она говорила, что после 1945 года Блант возобновил свою карьеру в области живописи и потому не имел доступа к секретным материалам, да и вообще после 1945 и до 1951 года «он не передавал информацию русским». В ходе дебатов у парламентариев возникло много вопросов, в том числе по этой части выступления. Премьера спрашивали, откуда ей известно, что Блант не передавал в те годы информацию русским и как он себя вел начиная с 1951 года, после разоблачения его коллег – ведь об этом могла знать только Москва.

Противоречивой была и вторая часть сообщения премьеры. Так, она сказала, что с 1951 по 1956 год Блант помогал Филби в контакте с русской разведкой. Парламентарии задумались: как же он мог помогать Филби, «не имея контакта с русскими»? Или он то прерывал связь с русскими, то ее возобновлял? Так всё окончательно запуталось. Когда же Блант прекратил связь с русской разведкой? – снова и снова задавали вопрос англичане, – в 1945, 1951 или в 1956 году? А может быть, позднее? А возможно, и вообще ее не прекращал?

Чем же объяснялась такая непоследовательность заявлений М. Тэтчер, речи которой обычно отличались строгой логикой? Стремлением скрыть какие-то факты? Или тем, что она просто повторяла заявления Бланта, который хотел запутать следователей и действительно сумел сбить их с толку? Или желанием искусственно приуменьшить значение всей этой истории, болезненной и для английских спецслужб, и для правительства?

Вопросов в деле Бланта, как мы увидим еще не раз, остается больше, чем ответов.

Далее Тэтчер рассказала о «допросах» Бланта, если их можно было так назвать. С профессором встречались в течение восьми лет одиннадцать раз, то есть следствие велось очень долго, но малоэффективно. Вопросы сначала касались его связей с другим членом «кембриджской группы» – Гаем Берджесом, покинувшим Англию и выехавшим в СССР в 1951 году. Блант отрицал, что они были связаны друг с другом по делам разведывательной службы и что «он, Блант, был источником сведений для Берджеса». В общем первая часть допросов, по словам премьера, не дала никаких результатов. Блант ничего не признавал. Тогда Служба безопасности, опасаясь, что в ходе расследования следователи не добьются никаких результатов, но своими вопросами дадут информацию Бланту, решила предоставить ему судебный иммунитет, то есть иммунитет от ареста и юридического преследования, если он признается, что был русским шпионом, и «будет содействовать дальнейшему расследованию».

Тэтчер уверяла, что в уголовных делах такая практика существует и не представляет собой ничего необычного. Парламент с удивлением выслушал это ее утверждение, и один из его членов, Денис Конован, прервав ее, спросил: «Означает ли это, что один закон существует для Бланта, а другие – для остальных?».

Премьер не смогла найти убедительный ответ и сказала, что действия генерального прокурора «соответствуют интересам общества».

С особым вниманием члены парламента выслушали ту часть речи премьера, которая была посвящена теме, с которой начал заседание спикер, – о реакции на все эти события королевы Елизаветы. (После смерти ее отца, Георга VI, в 1952 г., Блант стал и ее советником.)

«Постоянный секретарь Министерства внутренних дел, – говорила Тэтчер, – пригласил личного секретаря королевы и сказал ему: «Блант подозревается в том, что он русский агент.

Он признался в этом. Но так как он сотрудничал с властями в расследовании, то был освобожден от судебного преследования». Личный секретарь королевы спросил, что Министерство внутренних дел советует королеве в этом случае предпринять в отношении Бланта. Ответ был кратким: не предпринимать ничего. Никаких акций. Любые действия насторожат бывших русских «контролеров» Бланта (то есть советских чекистов) и других лиц, которые находятся под подозрением. Дворец последовал этому совету».

Далее Тэтчер произнесла загадочную фразу: «Мне сказали, что начиная с 1967 года все последующие премьер-министры и министры внутренних дел были информированы о деле Бланта». Означало ли это, что премьеры до 1967 года – лейборист Гарольд Вильсон и консерватор Алек Дуглас-Хьюм – не были информированы о деле Бланта? И если действительно Вильсона и Хьюма решили не посвящать в это дело, то почему?

Все это оставалось неясным.

В заключение Тэтчер квалифицировала деятельность «кембриджской группы», которую назвала «предвоенной генерацией, изучавшей марксизм»: «Мы презираем их и считаем их поступки отвратительными», – добавила она.

При обсуждении члены парламента сосредоточили свое внимание на трех группах вопросов. Первая: как советская разведка одержала такой успех, почему потерпели провал английские разведывательные и контрразведывательные службы и какие выводы нужно сделать из этого фиаско? Вторая: почему правительство (или Министерство внутренних дел) гарантировало Бланту полную неприкосновенность и почему оно скрывало это от английской общественности в течение полутора десятков лет? Третья группа вопросов касалась роли Ее Величества, ее информированности о деятельности Бланта, а также причин, по которым королева, после того как ей стало известно о шпионской деятельности Бланта, оставила его при Дворе.

Ввиду большой важности вопроса в прениях выступили руководящие деятели обеих палат, бывшие премьеры страны: Эдвард Хит и Джеймс Каллагэн, генеральный прокурор, бывшие министры, лидеры партий.

Парламентарии прежде всего вспомнили многочисленные случаи разоблачения советских агентов, которые свидетельствовали об активной работе советской разведки против Англии. Были названы имена Джорджа Блейка, британского дипломата, ставшего советским разведчиком, Уильяма Мартина Маршал-

ла, работавшего в британском посольстве в Москве, Джона Рассела, передавшего русским в 1962 году информацию о ракетах и торпедах, Фрэнка Клаффорда Боссарда, предоставившего Москве информацию об управляемых ракетах, Дугласа Рональда Бриттэна и Дэвида Джеймса Бангхэма, сообщивших русским сведения об английских подводных лодках и торпедах, и других «предателей». Список, приведенный лейбористом Лидбаттером, начавшим прения, был обширным и впечатляющим.

Другой член парламента, Раймонд Уитни, утверждал, что до 40 процентов советских граждан, находившихся за границей, связаны с русской разведкой, а всего за рубежом было тогда, по его словам, около двенадцати тысяч советских людей, что означало, по его данным, что около пяти тысяч из них работали на советскую разведку.

Особое впечатление произвело выступление Эдварда Хита, занимавшего пост премьер-министра с 1970 по 1974 год. Он рассказал о том, как в октябре 1971 года его правительство одновременно выслало из Англии 105 советских дипломатов, журналистов и сотрудников торгпредства, занимавшихся, по его словам, разведывательной деятельностью против Англии. Впервые за всю историю советской разведки было обвинено в шпионаже и выслано из страны такое огромное количество иностранных граждан. В основном данные, на которых базировалось это решение, были получены от советского перебежчика Олега Лялина, офицера КГБ, работавшего сотрудником торгпредства СССР в Лондоне (к вопросу о предательстве Лялина и его последствиях мы еще вернемся).

Английские руководящие деятели понимали серьезность этой акции и опасались, что СССР может разорвать дипломатические отношения с Британией. Хит в прениях впервые раскрыл историю с высылкой; он поведал, что в ходе беседы британского министра иностранных дел А. Дуглас-Хьюма с А.А. Громыко (вероятно, когда они оба были на сессии Генеральной Ассамблеи ООН) английский министр сказал своему российскому коллеге: «Посмотрите на ситуацию. Мы знаем ее точно. И вы должны ее признать. И если вы готовы это сделать, мы не будем публично объявлять о высылке, потому что мы желаем продолжать поддерживать с вами нормальные отношения. Если вы не готовы, то мы вынуждены будем сделать это (то есть выслать советских сотрудников. – В.П.) публично. Мы полностью осознаем, что вы тогда можете разорвать отношения с нами, но в этом случае одиум разрыва будет исходить не от нас».

Может быть, Громыко и понимал, что надо было найти компромисс. Но это означало бы признание того факта, что мы ведем разведку и делаем это в огромных масштабах, а это противоречило заявлениям советского правительства¹. Да и Громыко в то время еще не занимал таких позиций в Кремле, чтобы обеспечить подобный компромисс. По некоторым сведениям, он ответил А. Дуглас-Хьюму: «Напишите мне об этом письмо». Так секретный обмен мнениями не дал никаких результатов².

Парламентарии критически оценили действия английской Службы безопасности. Они отмечали, что английская контрразведка оказалась не на высоте, осуждали Министерство внутренних дел за слабый контроль за Службой безопасности; они считали, что недостаточно эффективно в этом отношении действовал и парламент. Бывший премьер-министр лейбористского правительства Гарольд Вильсон резко обрушился на контрразведку, на Министерство внутренних дел и правительство, упрекая их в «чудовищном провале». Другой известный в стране политик, бывший министр лейбористского правительства Тони Бенн, отметил, что «моральный дух Службы безопасности» серьезно подорван и что дело Бланта – это «печальная страница в истории Британской империи, которой никак не может гордиться страна». Парламентарии вспоминали заседание палаты, которое состоялось почти 25 лет тому назад, в 1955 году, после бегства в Москву двух британских дипломатов – советских разведчиков Гая Берджеса и Дональда Маклина. Мы тогда полагали, говорил английский историк консерватор Роберт Джеймс, что подобного рода эпизодам положен конец. Они нанесли огромный вред репутации нашей страны, английской заграничной секретной службе и особенно нашим отношениям с США, но, увы, это не было концом истории.

Уже упоминавшийся нами член парламента Лидбаттер советовал обратить особое внимание на меры, которые необходимо принять в связи с делом Бланта, чтобы предотвратить подобные случаи.

¹ В 1962 году Н.С. Хрущев заявил: «Шпионаж необходим тем, кто готовится к нападению, к агрессии. Советский Союз глубоко предан делу мира и не имеет намерения нападать на кого бы то ни было. Поэтому он не стремится заниматься шпионажем». Конечно, мало кто верил подобным заявлениям, но официальная политика заключалась в отрицании нами того очевидного факта, что мы занимается шпионажем и ведем его в значительных размерах.

² Более подробно об этой акции – в главе X.

Члены парламента требовали продолжать расследование дела Бланта, чтобы извлечь уроки на будущее. «Я надеюсь, – говорил один из парламентариев, – что правительство в той или другой форме предпримет расследование этого дела».

Лейборист Мичер спросил премьер-министра, введет ли она новые правила работы Службы безопасности, чтобы предотвратить подобные провалы в будущем. Ответ Тэтчер был категоричным: «Нет». Свое нежелание предпринять что-либо она объясняла тем, что одобренные в 1952 году правила этой службы вполне достаточны, чтобы обеспечить нормальную работу контрразведки. Правительство хотело приуменьшить значение случившегося, представить дело Бланта заурядным эпизодом. Ставший в 1965 году лидером оппозиции Э. Хит рассуждал так: «У английской Службы безопасности больше успехов, чем неудач. Но мы знаем только о ее поражениях. Мне не раз руководители Службы безопасности говорили о своих успехах и спрашивали: не могли бы мы опубликовать сообщения об этом? К сожалению, мы этого не сможем сделать, отвечал я. Когда мы добиваемся успеха, это не должно быть известно противнику. Это неизбежно означало бы передачу такой информации врагу, которой он не должен располагать».

Парламентарии хотели знать, как велся допрос по этому делу, кто его проводил, каковы были его результаты. Член парламента Мичер интересовался, сколько лиц было допрошено в процессе расследования дела Берджеса и Маклина, связанных с Блантом. Тэтчер отказалась отвечать на эти вопросы, сказав лишь, что «не в интересах государства называть число». Не ответила она и на вопрос, почему тогда, в 1964 году, был резко ограничен круг лиц, которым была дана информация о результатах дознания, и в это число не вошел даже премьер-министр страны. «Я не располагаю такой информацией», – отрезала она. Ответ генерального прокурора Силкина, который был ознакомлен с делом 15 лет спустя, уже при своем назначении на этот пост, был еще менее вразумительным: «Я не имел оснований думать, что премьер-министр не был в курсе дела... Я полагаю, что о подобных случаях премьер-министра и, возможно, министра иностранных дел должны были информировать судебные власти, но это не обязанность прокурора». Заместитель руководителя МИ-6 (британской контрразведки) Джордж Янг говорил, что он колебался, сообщать ли премьеру Г. Вильсону об этом деле, и в результате оказалось, что лейбористский премьер не был информирован о нем.

Никто, конечно, не верил, что отказ информировать высших руководителей страны мог быть случайностью. Премьера обычно информировали и о менее важных делах разведки. А чтобы случайно «забыли» сказать о деле, в котором так или иначе были замешаны королева и великая иностранная держава, – об этом не могло быть и речи. Значит, сознательно? Тогда в чем причина такого решения? Может быть, в том, что были известны симпатии Вильсона к Советскому Союзу и кто-то опасался, что он как-то по-другому взглянет на это дело? Или в том, что Блант был завербован и начал действовать как советский разведчик именно в период правления консерваторов, когда они отвечали за действия служб безопасности? Или были опасения, что Вильсон использует дело о советском разведчике против консерваторов и Службы безопасности? Или, что наиболее вероятно, боялись, что Вильсон предпримет расследование и тогда вскроются какие-то более неблагоприятные факты относительно правительства и даже Двора? А может быть, Служба безопасности просто решила выждать время, когда страсти поостынут (время, говорят, лечит любые раны!) и об этом деле будут говорить как о далеком прошлом, да и будущему премьеру не нужно будет принимать никаких решений, ведь это дело не будет таким уж актуальным?

Вот и еще одна загадка в этом непростом деле.

Почему шпиона не судили?

Не менее запутанным был вопрос о предоставлении Бланту иммунитета от преследований, а именно он особенно интересовал палату общин. Если премьеры Г. Вильсон и А. Дуглас-Хьюм не знали об этом, значит, они и не принимали решения. Следующим за ними премьером был Э. Хит, вступивший в должность в 1970 году. Он был ознакомлен с делом Бланта только в 1973 году. При нем Блант, будучи советским разведчиком, продолжал оставаться советником королевы. А премьер этого не знал?!

Не правда ли, все это более чем странно?! В 1971 году Хит предпринял, как мы говорили, высылку 105 «советских разведчиков» и был ознакомлен со всеми их делами, а о Бланте ему опять не доложили и ознакомили с его делом лишь два года спустя. Вопрос об иммунитете им вообще не рассматривался,

так как он уже был дан Бланту десять лет назад¹. Кто же тогда в стране мог пойти на такое смелое решение? Королева? Но, как говорила Тэтчер, ее информировали уже после того, как иммунитет Бланту был предоставлен, да и решение об иммунитете не входило в ее функции. Лидбаттер сказал: «Палата желает знать больше об этом деле. Как мне известно, Блант был единственным в Англии человеком, которому был предоставлен столь обширный иммунитет».

И вообще, зачем нужно было давать Бланту иммунитет от судебного преследования, точно не зная о масштабах и последствиях его преступления? Вот как объяснил это Э. Хит, защищая политику консерваторов: «Огромная информация могла быть добыта во время следствия, в том числе о вражеской разведке».

Могла? Но ведь никакой такого рода информации получено не было. Э. Хита прервал член парламента А. Кларк: «Но если, как нас уверяли, Блант окончил свою работу в качестве советского разведчика в 1945 году, то разумно предположить, что информация, которую он дал в 1964 году, то есть почти 20 лет спустя, не очень относилась к делу и не была крайне необходима». Ответа по существу на эту реплику не последовало.

Другим аргументом в пользу предоставления иммунитета было то, что у контрразведки *не было доказательств* для привлечения к суду Бланта, а последний на протяжении долгого времени все отрицал. Но из этого не следует, что ему нужно было предоставлять иммунитет, а значило только, что необходимо было продолжать расследование.

Очевидно, это понимали и прокурор, и Служба безопасности. И тогда был выдвинут дополнительный довод, который приводила в своей речи и Тэтчер: иммунитет был дан в обмен на его признание в шпионской деятельности и на сообщение секретных данных о ней.

Но если правда то, что он окончил свою службу в русской разведке 20 лет назад, то его информация была неактуальной и ничего не стоила. Главное же заключалось в другом. Премьер

¹ Генеральный прокурор Элвин Джоунс, вступивший на свой пост четыре месяца спустя после того, как Блант признался в шпионаже, также не был информирован о его деле и предоставленном ему иммунитете. А он прослужил в этой должности шесть лет, и на протяжении всех последующих лет его не информировали, что советник королевы был советским шпионом.

отметила, что за 13 лет Служба безопасности, расследуя дело Бланта, «не смогла добыть твердых доказательств против него» (курсив мой. – В.П.). А это означало, что Блант ни в чем сколько-нибудь серьезном не признался, потому что, если бы он раскрыл секреты своей деятельности, то были бы и основания для его судебного преследования или во всяком случае для сообщения общественности того, что он сделал в качестве советского разведчика. Все уверения, что информация, которую дал Блант, была «полезной», оказались не больше чем словами. Ее «полезности» не хватило даже для доказательства его вины.

В ходе дискуссии об иммунитете состоялся любопытный обмен вопросами членов парламента с представителями правительства.

В о п р о с: А что в действительности сделал Блант? (То есть какую информацию он передал русским. – В.П.).

О т в е т: Русские должны это знать. (Русские-то, конечно, это знали, но создавалось впечатление, что этого не удалось узнать англичанам. – В.П.).

Какой же иммунитет получил Антони Блант? Ему было дано полное освобождение от судебного преследования.

В 1979 году генерального прокурора Британии (а им тогда был Питер Роулинсон) спросили, не может ли, при условии добытых новых доказательств о деятельности Бланта, английская разведка МИ-5 предпринять против него судебное преследование. Прокурор ответил, что такое не может быть предпринято ни сейчас, ни в будущем.

Следовательно, власти считали, что дело Бланта должно быть закрыто *навечно*, – такую большую опасность для государства представляло его рассекречивание.

По мнению парламентариев, сложилось странное положение.

Как писала газета «Ивнинг ньюс», разоблаченные советские разведчики Блейк и Воссал¹ «сидят в своих камерах, пока Блант на свободе раскуривает сигары». Советский разведчик Блейк был

¹ Воссал, секретарь военного атташе британского посольства в Москве, был завербован в СССР в 1955 году. Возвратившись в Лондон, он служил в Адмиралтействе и продолжал снабжать советскую разведку информацией, в том числе о противолодочных торпедах. Двадцать лет спустя редактор английского журнала о военно-морском флоте утверждал, что информация Воссала позволила русским ускорить строительство первых авианосцев для вертолетов типа «Москва» и «Ленинград» и получить важные сведения об английском авианосце «Инвизибл». Воссал был освобожден через 11 лет, в 1973 году, «под честное слово».

приговорен к 42 годам тюрьмы, хотя его деятельность продолжалась относительно недолго¹ (а работа Бланта на советскую разведку – десятилетия), Воссал – к 18 годам, Боссард – к 21 году².

Бывший премьер-министр лейборист Дж. Каллагэн задал по этому поводу вопрос: «Я спрашивал себя, а был бы господин Блант приговорен к такому же наказанию, если бы он служил, скажем, капралом в королевских воздушных силах (а не советником королевы. – В.П.)?».

Об этом думали и многие другие англичане, мысли которых выразил А. Бени: «Должно быть единое право для каждого, а не разные права для тех, кто имеет друзей в самых высоких сферах».

Что знала королева о своем советнике?

Любопытный вопрос, который интересовал всех, поставил в ходе прений член парламента Гамильтон: почему в течение столь долгого времени после разоблачения Блант находился при Дворе и его вновь пригласили на службу в 1972 году? Притом всем было известно, что он был *противником монархии и не делал из этого секрета*.

Парадоксально, почему Двор так «держался» за советского разведчика, да к тому же противника самой монархии. Ответа на этот вопрос, как и на многие другие, однако, от правительства не последовало.

Парламентарий А.Дж. Бейт, продолжая эту тему, добавил: «Мы все озабочены присутствием при королевском дворе в течение долгого периода продажного и известного шпиона».

Близко к сердцу парламентарии воспринимали и положение, в котором оказалась королева. Знала ли она обо всем, как ре-

¹ Джордж Блейк известен нашему читателю по советским публикациям. Скажем лишь, что Блейк – дипломат, служил в Южной Корее, был взят в плен северокорейцами, завербован КГБ. Впоследствии, возвратившись в Англию, был сотрудником Секретной разведывательной службы. Работая в Западном Берлине, передавал советской разведке информацию исключительной важности. Приговоренный после раскрытия своей шпионской деятельности к 42 годам тюрьмы, через 6 лет совершил побег и нелегально выехал в Москву.

² Фрэнк Боссард, работавший в Военном министерстве, был завербован КГБ в начале 60-х годов. Его специальностью были радарные установки. Арестован и осужден в 1965 году, то есть примерно тогда же, когда были получены первые сведения о шпионаже Бланта.

агировала на события? – вот что волновало их. Сообщили, что в 1964 году информация о деле Бланта была доложена личному секретарю королевы. А дальше? Последовал такой диалог в парламенте:

Гамильтон: Была ли доложена эта информация Ее Величеству?

Генеральный прокурор: Существует традиция, согласно которой все переговоры Ее Величества являются абсолютно секретными и должны оставаться таковыми. Поэтому ни один министр не может ответить на вопрос, что было сказано в разговоре между Ее Величеством и ее личным секретарем.

Гамильтон: Так знала или нет королева о деле Бланта?

Генеральный прокурор: Я уже сказал, что эти разговоры носят секретный характер.

Гамильтон: Может ли генеральный прокурор сказать, для чего информация была передана личному секретарю, если не для передачи Ее Величеству?

Генеральный прокурор: Я не был в то время генеральным прокурором, и это не тот вопрос, на который я могу ответить.

Так знала ли королева о деле Бланта? Можно с абсолютной уверенностью сказать: да, знала. Личный секретарь королевы не мог скрыть от нее этой информации. Можно только гадать, насколько полной она была. Сама Тэтчер признала, что Двор последовал совету генерального прокурора «ничего не предпринимать против Бланта». Конечно, это могло быть распоряжением только самой королевы, а не ее личного секретаря.

Наконец, еще одно обстоятельство: королева ведь не находится в вакууме; ее родные и близкие говорили ей о Бланте, тем более что и они были так или иначе замешаны в этом деле.

Чепмен Пинчер, журналист, непосредственно участвовавший в разведывательной работе в годы войны, издавший книгу о «кембриджской группе» под названием «Их ремесло – предательство» и изучавший не только английские, но и американские документы, уверенно говорит: «Я знаю, что Елизавета II была соответствующим образом информирована Эйденом (ее личным секретарем. – В.П.) после того, как сам Блант признался в своей разведывательной деятельности на СССР».

Возможно, королева выразила недовольство. Несомненно, что она иногда встречала Бланта в коридорах дворца, но не проявляла интереса к деталям его дела. Ричард Кроссмен, лидер лейбористов, в своих мемуарах, например, рассказывает, что

в 1967 году он начал говорить с королевой о другом члене «кембриджской группы», о Филби, но королева отклонила тему разговора, заметив, что она «не читает подобного рода сообщений».

Читатель вправе спросить, а почему бы тогда просто не сказать: да, королеве было сообщено об этом деле. Но, сказав А, надо сказать и Б. Надо было бы ответить и на другие вопросы, которые неминуемо возникли бы. А какова была реакция королевы? Защищала ли она Бланта или гневалась? Как она согласилась, чтобы ее советником продолжал быть «агент КГБ»? Почему она ничего не имела против оставления ему рыцарского звания? И множество других вопросов. А их как раз и хотели избежать королева, премьер-министр и службы безопасности.

Несколько лет назад завеса немного приоткрылась. Участники событий признали, что, как сказал ее личный секретарь, «королева была полностью информирована о деле Бланта», она приняла предложение английских спецслужб, правда, ее смутило то обстоятельство, что «она случайно может столкнуться с ним во дворце». Что лежало в основе такого решения, почему она согласилась держать все это в тайне?

Опять загадки. Как сказал Гамильтон в конце дебатов, «я не уверен, что мы когда-нибудь получим ответы на эти вопросы».

Газета «Санди таймс» писала: «Дело Бланта – это только верхушка айсберга», когда под водой скрыты, может быть, самые важные и самые опасные для многих его части. Премьер утверждала, что после 1945 года, перестав служить в МИ-5¹, Блант не мог располагать информацией, важной для врага. Но это были доводы для наивных людей. Лейборист Лидбаттер тогда же в парламенте опроверг это утверждение: «Однако Блант занимал такое положение, которое давало возможность добывать ее. Он и его друзья были тесно связаны друг с другом».

Будущие исследователи не раз вспомнят слова лорда Каллагэна: «Я не думаю, что это дело будет полностью раскрыто. Слишком много людей в Англии в этом не заинтересованы. Мы никогда не узнаем правду. Я не вижу никаких перспектив на успех в дальнейшем расследовании дела Бланта и вокруг него».

Тем не менее читателя, конечно, интересуют подробности этого дела, и я попытался, по мере возможности, проникнуть в его тайны.

¹ В Британии существуют Служба безопасности, обычно называемая МИ-5 («Милитери интеллидженс»), ведающая контрразведкой, и Секретная разведывательная служба, называемая МИ-6, или «Сикрет интеллидженс сервис» (СИС).

Как все это произошло? Кому удалось завербовать Бланта? Когда Блант стал советским разведчиком? Сам Блант отвечал на этот вопрос вполне определенно. Это было сделано его другом Гаем Берджесом. Он даже настаивал: «Меня склонил к этой работе Гай Берджес. Он убедил меня, что я самым лучшим образом смогу служить делу борьбы с фашизмом, присоединившись к его работе в пользу русских». Можно ли полностью доверять этому «признанию» Бланта? Оно было сделано, когда Берджес уже находился в Москве, и «признание Бланта» ничем ему не угрожало. Он назвал имя того, кого уже не могла достать английская Служба безопасности.

Выдвинутая Блантом версия о роли в его жизни разведчика Берджеса имела и еще одну цель – приуменьшить свою роль в «кембриджской группе» советских агентов, переложить ее на Берджеса, который был уже вне опасности, представить себя рядовым разведчиком, а не руководителем целой группы шпионов. В противном случае со стороны следователей и журналистов посыпались бы один за другим вопросы о других «кембриджцах». Сейчас же Блант ограничивал круг вопросов только собственной персоной.

Именно поэтому Блант характеризовал Берджеса как руководителя кембриджских коммунистов (что явно было натяжкой), подчеркивал его влияние в университетских кругах. Он называл Берджеса «одним из наиболее замечательных, выдающихся людей, каких он когда-либо знал». Из его высказываний о Берджесе складывалось впечатление, что сам Блант играл почти второстепенную роль в «кембриджской группе». На эту «удочку» попались и многие исследователи «кембриджской команды», которые, подчеркивая успехи К. Филби, Д. Маклина и Г. Берджеса, отодвигали Бланта на второй план. Да и сам Блант, не будучи честолюбивым, не стремился даже в конце своей жизни восстановить истину.

Конечно, лучше других знал, кем в действительности был Антони Блант, КГБ, который внимательно изучил не только его биографию, но и его характер, его взгляды, собрал отзывы о нем его друзей. И нам теперь предстоит пойти по пути тех советских контрразведчиков, которые скрупулезно собирали о нем все материалы.

Итак, кем был Блант, что он собой представлял, как складывалась его жизнь?

Советская практика вербовки разведчиков

Несколько слов о том, как вообще советская разведка осуществляла процесс вербовки иностранцев.

В руки американской разведки попал секретный учебник КГБ под названием «Практика вербовки американцев в США и странах “третьего мира”», изданный Высшей школой КГБ за № 101 и одобренный руководством Первого главного управления КГБ при Совете Министров СССР. Его основные позиции, естественно, соответствуют правилам вербовки, которые использовались и для вербовки агентов в Англии.

Представляет интерес сам перечень глав учебника: «Вербовочная база. Приобретение нужных связей и отбор кандидатов для вербовки. Первоначальная стадия в подготовке к вербовке. Выполнение самой подготовки к вербовке. Вербовка в странах “третьего мира”».

Основные объекты вербовки, на которые должны быть направлены усилия, определялись так: вербовке подлежат прежде всего представители руководства страны, правительства, Министерства иностранных дел, органов военной и гражданской разведки страны, в первую очередь те их сотрудники, которые «имеют доступ к государственным секретам страны», а также лица, обладающие хорошими перспективами получить секретную работу в государственных учреждениях. «Это в основном относится к студентам тех общеобразовательных учреждений, которые готовят работников для организаций, имеющих отношение к разведке», – говорилось в указаниях Центра.

Как мы увидим из биографии Бланта, он был одним из первых кандидатов на вербовку.

Далее инструкция предписывала обращать внимание на тех, «кто обладает потенциалом разведчика и достаточно сильными мотивами, могущими привести их к сотрудничеству с совет-

ской иностранной разведкой». Среди этих мотивов были такие, как «симпатии к СССР как борцу за мир, неудовлетворенность жесткой политикой правительства страны, которую они представляют, симпатии к советским идеологическим взглядам». Авторы учебника-инструкции серьезно подошли к определению мотивов, обращая внимание на самые существенные, решающие и отмечая слабые и второстепенные. Так, один из пунктов инструкции гласил: «Сведения о неразборчивости в связях с женщинами не могут обычно служить убедительным компрометирующим материалом» и, следовательно, быть причиной для отказа от вербовки.

«Подготовка к вербовке». «Наши разведчики ищут необычных путей к знакомству, – говорится далее, – избегая использования мест, находящихся под контролем “контрразведки”». Учебник рекомендовал разведчику, заводя новые знакомства, создавать или находить такие условия, при которых внимание контрразведки не привлекалось бы к нему.

«Наводка», оценка, отбор кандидатур для вербовки объявлялись главной задачей иностранной разведки СССР за рубежом.

Перечислялись и примерные места, где было легче всего избежать слежки контрразведки противника: университеты, библиотеки, театры, концертные залы и другие подобные общественные места культурного назначения. Чтобы офицеры КГБ имели благовидный предлог для встречи с лицом, определенным для вербовки, им рекомендовалось «увлекаться» филателией, нумизматикой, «приобретать специальные знания по вопросам искусства, науки и литературы». Для ознакомления с объектом вербовки рекомендовалось использовать легальные источники страны – прессу, общие справочники, например «Кто есть кто», дипломатические списки, справочники о рабочих прессы, биографии знаменитых людей и т.д. Получив такую информацию, резидентура советской разведки в стране пребывания решала, какие шаги следует предпринять для вербовки.

При установлении отношений с учеными и крупными специалистами рекомендовалось использовать желание ученых установить научные контакты с представителями интеллигенции СССР. Это прямо относилось и к Бланту, который, как известно, интересовался картинными галереями СССР, особенно картинами западной живописи, имевшимися в СССР, работами российских ученых в этой области, а также русской живописью, ставшей впоследствии одним из предметов его научных изысканий.

«Моментом *огромной важности* для наших вербовочных операций, – говорилось в учебном пособии, – является распознавание тех лиц в правительственном аппарате, которые симпатизируют нам, исходя из *идеологических взглядов*» (курсив мой. – В.П.).

В учебнике говорилось о «неизбежном крушении монополистического капитализма», о «росте на Западе марксистско-ленинских идей» (последнее применительно к английской интеллигенции того времени было совершенно правильно). В учебнике были приведены и конкретные примеры такой вербовки по идеологическим мотивам.

В главе о приобретении нужных связей и о первом этапе вербовки подчеркивалось, что надо «относиться самым серьезным образом к начальной стадии любого пути для знакомства». В зависимости от возможностей резидентуры разрабатывался план знакомства и давались рекомендации о путях установления контактов, а также приводились соответствующие примеры.

В главе о подготовке к вербовке и ее осуществлению говорилось: за исключением необычных обстоятельств, идеальная вербовка проходит *постепенно*, едва уловимо переходит из «нормальных» отношений в отношения тайные.

Разбирался вопрос и о финансировании завербованных лиц. Подчеркивалось, что это не должно делаться грубо (приводились отрицательные примеры такой вербовки).

Очень интересные данные о методах вербовки, применяемых советской разведкой, сообщает известный английский знаток шпионажа Филипп Найтли.

Прежде всего, отмечая рост левых настроений среди английской молодежи в 30-е годы, он приходит к выводу, что никогда раньше условия для поиска молодых людей и их вербовки на службу Советскому Союзу не были такими благоприятными, как в те годы. К. Филби также говорил, что в те годы работа в пользу СССР была и службой английскому народу. Так думали многие английские студенты и выпускники вузов. «Тех, кто изучал этот период, поражало, – пишет Найтли, – что ни один английский студент не вышел вперед, чтобы сказать: “Они пытались меня завербовать, но я отверг их предложение”».

Он объясняет это также исключительным мастерством агентов КГБ, их высоким профессионализмом. Русские обращались только к тем, о которых они почти наверняка знали, что их предложение будет принято. В Кембридже, вероятно, был декан или профессор, кто помогал вербовке и советовал агентам

Лубянки, кого из студентов или преподавателей можно было завербовать. При этом профессор учитывал характер студентов, их верования, политический настрой и их готовность к предложению стать советским шпионом. Принималось во внимание, как отмечал Филби, и то обстоятельство, что молодежь по своей природе склонна к участию в тайных обществах, привержена различным идеологиям, будь то католицизм, коммунизм или другое мировоззрение. Она дает молодому человеку чувство индивидуальности, помогает ему осознать свою силу. Секретность сама по себе является также важным фактором юношеской зрелости, и многие школьники и студенты формируются в борьбе за самостоятельность, в том числе за независимость от родителей. В мужских группах или обществах их привлекает секретность, она придает им чувство собственной значимости.

Первый подход русских разведчиков, отмечали сотрудники английских спецслужб, был настолько мягким, расплывчатым, что студенты не отдавали себе отчет в том, что это означало попытку вербовать их. Делалось это без спешки, спокойно и умело.

Впрочем, и западные методы вербовки во многом схожи с теми, которые мы изложили.

Ас американской разведки Аллен Даллес, назначенный в 1953 году директором ЦРУ и занимавший этот пост почти девять лет, опубликовал книгу «Искусство разведки». В ней он писал: «Главное заключается в том, чтобы найти «инсайдера» (то есть человека, уже работавшего «на объекте», жителя этой страны. – В.П.), готового пойти на сотрудничество и, кроме того, допущенного к секретной работе и обладающего квалификацией, необходимой для занимаемого им поста. Зачастую, однако, этот человек находится не совсем там, где бы хотелось, чтобы он мог получать необходимую информацию. Возможно, придется остановиться на человеке, лишь начинающем свою карьеру, который в будущем сможет работать на том объекте, который вас интересует. Необходимы некоторые маневры и манипуляции для того, чтобы ваш человек, более или менее склонный к шпионажу, оказался на том месте, где бы он мог добывать информацию, не вызывая подозрений».

Именно так было с «кембриджской группой». Большинство ее членов были сначала не там, где хотела Лубянка, но постепенно им удалось получить работу, где они могли приносить большую помощь Москве.